

5. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. — Л.: Наука, 1978. — 173 с.
6. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М.: Издательство политической литературы, 1986. — 398 с.
7. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. — Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. — 224 с.
8. Джиоева М. Г. Вычленение и квалификация лексической микросистемы “время” // Ученые записки ТНУ. — 2001. — Т. 14 (53), №1 Филология. — С. 29-35.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1978-1980.
10. Diccionario de la lengua castellana. Compuesto por la Real Academia Española. Tomo tercero. — Madrid: Real Academia Española, 1732.
11. Diccionario de la lengua castellana. Segunda ediciyn. — Madrid: Real Academia Española, 1783.
12. Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española. Octava edición. — Madrid: Real Academia Española, 1837.
13. Diccionario de la lengua castellana. Decimocuarta edición — Madrid: Real Academia Española, 1914.
14. Diccionario de la lengua Española. Vigésima primera edición. — Madrid: Espasa — Calpe, 1992.
15. Словарь русского языка. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — В 4 т. — М.: Русский язык, 1981–1984.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2004 г.

УДК 81'373.612.2

Н. В. Солодовникова

ПРИРОДА КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (культурологический аспект)

Актуальность исследования. По словам Г. Г. Почепцова, современную эпоху в развитии цивилизации справедливо называют информационной. “Новый статус информации в нашем обществе — это сильнодействующее средство, для которого нет пределов” [10; 9]. Этим, возможно, объясняется все возрастающий интерес к языку современных СМИ и к политической метафоре как к одному из средств выражения мысли и одновременно способу воздействия на читателя.

В своем исследовании мы опираемся на работы известных лингвистов: А. П. Чудинова, Г. Я. Солганика, Г. Г. Почепцова, В. М. Шаклеина, Ю. Д. Апресяна, А. Домассио и других.

Новизна исследования. Наша статья посвящена анализу зоо— и фитоморфных метафор как способу отражения национального менталитета, так как в современных исследованиях, посвященных политической метафоре, разряд метафор “Человек и природа”, в культурологическом аспекте, изучен недостаточно.

Цель статьи: рассмотреть политическую метафору, источником которой является живая природа в культурологическом аспекте на материале украинской русскоязычной прессы.

Задачи статьи: определить роль политической метафоры в отражении национального сознания на примере группы метафор, входящих в разряд “Человек и природа”.

Материалом для исследования стали политические статьи из украинских русскоязычных изданий, таких как “Зеркало недели”, “Комсомольская правда в Украине”, “Аргументы и факты в Украине”, “Труд”, “Отечество” и другие периодом с 2002 по 2004 гг.

В современных украинских русскоязычных СМИ политические метафоры, источником которых является живая и неживая природа, употребляются довольно часто. Это объясняется, на наш взгляд, гораздо меньшей урбанизацией жителей Украины по сравнению, скажем, с жителями Западной Европы и России. Для Украины в связи с ее географическим положением и климатическими условиями сельское хозяйство традиционно является одной из важнейших отраслей экономики, поэтому наиболее часто встречаются метафоры, связанные с погодными условиями.

Живая и неживая природа служит человеку своеобразной моделью, в соответствии с которой он представляет социальную (отсюда огромное количество пословиц, поговорок, народных сказок, где главными субъектами становятся представители животного и растительного мира, а также неживой природы) и политическую реальность, создавая таким образом языковую картину мира, т. е. политические реалии осознаются в концептах окружающего мира.

А. П. Чудинов подчеркивает, что “в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. В соответствии с понятиями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты, каждый же концепт, в свою очередь, является частью ментального пространства. [12; 78-79]

Концепты отражают не научную картину мира, а “наивные” (обыденные) представления человека о мире. Как отмечает Ю. Д. Апресян, обыденная картина мира, наивные представления “отнюдь не примитивны, а во многих случаях не менее сложны и интересны, чем научные”. Они “отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в познании национального менталитета”. [1; 39]

Язык может служить источником информации об этносе. В. М. Шаклеин, говоря о сущности метафоры, отмечает, что, хотя она по своей структуре интернациональна, ее семантическое наполнение с точки зрения этноса и культуры индивидуально. [13; 79] Проиллюстрируем это высказывание примером:

На сей раз основной удар правоохранительных органов обрушился на “змеиные головы”. Так зовут здесь (в Китае — Н. С.) главарей преступных синдикатов по нелегальной переправке за рубеж соотечественников, кто решил попытать счастья на чужбине. (Труд от 10. 04. 2002) Без дополнительного комментария метафора обрушить удар на “змеиные головы” понятна только жителям Китая, так как традиционно для многих жителей Востока змея ассоциируется с мудростью. (Ср.: у русских змея — воплощение коварства и жестокости: *змея подколотная*). В Китае, применительно к данному примеру, змея — символ зла и эмблема одной из мафиозных группировок, поэтому *обрушить удар на “змеиные головы”* означает расправиться с представителями этой организации. Вообще для китайцев змея является “земным воплощением дракона (подробнее о драконе — см. в дальнейшем изложении). Считается, что через сотни лет змее может удастся перевоплотиться в дракона. По убеждениям верующих, сам дракон когда-то произошел от огромной морской змеи или удава. Этим и объясняется священный культ змеи, близкий к культу дракона”. [5]

Отрицательная коннотация образа змеи является традиционным для политического дискурса советского периода [Ермакова 2000; 56-58], во время перестройки этот образ приобрел ироническую коннотацию: *Что же мы неужто всерьез собираемся “раздавить гадину коммунизма” (читай: нищеты, смерти и скорби) — если плодим своими проклятьями новое мщенье.* (Комсомольская правда; 8. 10. 93) [там же].

По словам А. Домассио, “именно механизмы метафоры способствуют вычленению нужных культурных факторов на основе всего культурного опыта человека” [Домассио, 1994, с. 41].

Можно сказать, что в метафоре скрыт культурно обусловленный образ. Это может быть образ эпохи, страны, действия. Так, к примеру, последний период эпохи существования СССР метафорически был назван ‘перестройкой’, Японию называют ‘Страной восходящего солнца’, Китай — ‘Поднебесной’, США — ‘страной белого или белоголового орла’, образ России традиционно связывают с ‘медведем’, а одна из военных операций США против Ирака была названа ‘буря в пустыне’.

В. М. Шаклеин говорит, что метафора — “это механизм изъятия информации из всего объема информации культурного плана”. [13; 83]

А. П. Чудинов, характеризуя метафорическую модель, утверждает, что это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов (слотов, концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени). [12; 299]

На наш взгляд, при наличии единой сферы-источника набор лексем, участвующих в образовании новой понятийной сферы, может быть различным, что обусловлено культурой носителей языка. Следующий пример подтверждает данное высказывание. *Дракон расправляет крылья.* (Зеркало недели, №31(458) от 16. 08. 2003) Данный пример взят из подзаголовка статьи о политике и экономике Китая. В энциклопедии “Мифы народов мира” о драконе мы нашли сле-

дующую информацию: “дракон связывался обычно с плодородием и водной стихией. Эта связь иногда вторично осмысливается таким образом, что дракон выступал как воплощение положительного начала, как помощник, дающий людям воду и богатства”. [7; 394]

Расправить крылья в переносном значении означает “ободриться, обрести способность действовать” [9; 661]

Если совместить значения обеих компонентов этого метафорического выражения, то можно говорить об укреплении позиций Китая на мировой арене, как в сфере политики, так и экономики.

Следует также обратить внимание на значение образа дракона для китайского народа, ведь китайцы часто называют себя “потомками дракона”, поэтому использование подобной метафоры не случайно.

Дракон в Китае всегда был не только повелителем вод, но и священным животным, в известном смысле символом китайского императора и вообще Китая. В отличие от мифологической нагрузки, которую нес дракон в сказках Запада (там он чаще всего — страшное чудовище, олицетворение зла, с которым сражается носитель добра), в Китае дракон нередко был символом добра, мира и процветания. Гораздо реже он воспринимался как носитель зла. Праздник дракона пятого числа пятого месяца — один из самых любимых в Китае. В этот день на празднично украшенных лодках ездили по рекам и приносили жертву дракону — повелителю вод. [2]

В народе дракон считается предводителем всех земных существ. Как известно, китайский лунный календарь разделен на 24 сельскохозяйственных периода. Период Цзинчжэ — “сезон пробуждения насекомых”, который начинается 2 февраля. В эти дни люди говорят, что, когда пробуждаются насекомые, можно уже выходить из дома. Люди называют это время и сезоном, когда дракон поднимает голову. Отсюда видно, что дракон — первый среди земных существ. Внешний облик дракона также подтверждает это. Как явствует из древних записей династии Южная Сунн: « У дракона рога оленя, голова верблюда, глаза черта, шея змеи, живот напоминает раковину, когти орлиные, лапы тигра, уши быка». Нынешний облик дракона примерно такой же. Как явствует из археологических данных, 6 тысяч лет тому назад в период яншаоской культуры обнаруженные в раскопках изваяния дракона уже имели подобные черты. Придав дракону такие черты, люди явно стремились наделять его правами первого среди всех земных обитаемых [4] Таким образом, обращение к истории и культуре Китая помогает понять суть и природу метафорического образа.

Приведем еще один пример.

Грач вьет гнездо в Киеве. (Отечество, №11(44) от 14. 03. 2002)

Такая метафора получает дополнительную образность “благодаря” фамилии лидера Коммунистической партии Крыма. “Свить себе гнездо” в переносном значении — обосноваться, устроиться где-нибудь. [9; 134] Смысл этого высказывания заключается в том, что Л. Грач, став членом Верховной Рады и переехав в Киев, активизировался в политической жизни Украины.

В метафорическом выражении обязательно присутствует оценочный компонент, особенно это касается политических метафор, ведь давая образную характеристику политическому движению, субъекту, реформе и т. п. автор высказывает свое отношение к названному объекту, а затем и читатель формирует собственное мнение.

Сам Леонид Грач, говоря о своей роли в политике, прибегает к метафоре, источником которой становится его “птичья фамилия”: *Я — птица весенняя* (заголовок). *Нет, она (грач) птица весенняя, вестник обновления, перемен...* и далее *Меня называют российской птицей, но кто может знать правду лучше меня?* Статья заканчивается словами: *Нет, Грач — птица не перелетная. Мой дом здесь.* (Коммунист Крыма, 317(463) от 27. 03. 2002) Слово *перелетный* имеет следующее значение: о птицах, совершающих перелет: передвижение из мест гнездования в места зимовок. [9; 506] Таким образом, в данной фразе создается комический эффект без желания автора, так как по своей биологической природе грач, конечно же является перелетной птицей.

В этом примере мы видим развертывание доминантной метафоры, что, по словам А. П. Чудинова, является “важнейшим свойством концептуальной метафоры”. [12; 110] Метафора открывает публикацию (заголовок) и она же заканчивает ее, создавая “текстовую рамку”. Следует отметить прецедентность заголовка статьи, источником которой является название книги С. Д. Мстиславского “Грач — птица весенняя” о революционере Н. Баумане, “грач” — это его партийная кличка. Революция в то время связывалась с надеждами на светлое будущее, обновление. На наш взгляд, рассмотренные нами метафорические высказывания говорят о том, что и фигура Л. Грача связана для Крымского полуострова с надеждами на перемены в лучшую сторону.

Проанализируем следующий пример:

Бжезинский напомнил, что во главе Израиля стоит “ястреб” Шарон, который десять лет был против Палестинской автономии и вместе с Нетаньяху и ему подобными создавал климат, в котором стало возможным убийство Ицхака Рабина, взявшегося за осуществление принципа “палестинские земли в обмен на прочный мир между двумя народами”. (Труд, от 10. 04. 2002)

Слово *ястреб* в переносном значении употребляется по отношению к “агрессивно настроенным сторонникам войны, гонки вооружений”. [9; 919]

Данное метафорическое выражение показывает негативное отношение автора к А. Шарону. Следует отметить, что характеристика “ястреб” часто встречается по отношению к США, например: *На смену “империи зла” приходит “ось зла”, в которую попали те страны, политика или государственный строй которых не устраивают американских “ястребов”.* (Комсомольская правда в Украине, от 1. 03. 2002) Данная метафора показывает негативное отношение к воинственной политике США.

В политическом дискурсе советского периода слово *ястреб* имело отрицательную коннотацию и в словаре дано с пометой “осуд.”: “Наиболее оголтелые империалистические политики и генералы, открыто ратующие за решение спорных международных проблем с помощью вооруженных сил и военных угроз.

(Краткий политический словарь/Сост. и общ. ред. Л. А. О니кова и Н. В. Шишлина. — Политиздат, 1980. — с. 447) Его слова звучат достойной отповедью ястребам из Пентагона. (Довлатов С. Собрание сочинений: в 3-х т. — СПб: Лимбус Пресс, 1995. — с. 396. [8; 682]

Ястреб, как и акула, волк, тигр, в политической речи является традиционным образом агрессивности, жестокости, тогда как голубь — традиционный символ миролюбия и любви. Голубь имеет следующие метафорические характеристики: “маленький, чистый, невинный, кроткий, безобидный, ласковый, влюбленный, наивный, простодушный”. [6; 60] В современном политическом дискурсе ястреб и голубь часто противопоставлены: *Относительно войны в Ираке весь мир разделился на “ястребов” и “голубей”*. (Аргументы и факты, №10 (1167), март 2003) В данном примере противопоставлены сторонники и противники войны в Ираке.

Выводы

1. Культурологический компонент в политической метафоре, безусловно, играет важную роль.

2. Культурологический компонент в метафоре отражает менталитет нации, сущность национального сознания, дает представление об обычаях, а также выражает оценку автора, что показано на примерах, проанализированных в статье.

3. Некоторые метафоры, включающие культурологический компонент, нуждаются в подробном комментарии, но многие из них являются традиционными в политике и, поэтому понятными широкому кругу читателей, независимо от национальности.

4. Анализ некоторых политических метафор, представленный в статье, показывает, что метафоры имеют положительную или отрицательную коннотацию.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1, — с. 39.

2. Васильев Леонид Сергеевич. История Религий Востока. М.: “Высшая школа” 1983, <http://china.kulichki.net/Religion/CultOfPower.shtml>

3. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Рус. яз. Конца XX столетия (1985-1995) — 2-е изд. — М.: “Языки русской культуры”, 2000. — с. 49-50.

4. Китайский дракон // составлено по материалам и соглашению с CR1 - China Radio International <http://china.kulichki.net/art/0005.shtml>

5. Китайский дракон. <http://www.gochina.ru/lung.shtml>

6. Козлова Т. В. Семантика фразеологизмов животных в современном русском языке. М.: МГУ, 2003. — с. 60.

7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т./ Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: НИ “Большая русская энциклопедия”, 1998, Т. 1., с. 394.

8. Мокиенко В. М., Никитина Г. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — с. 318.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное — М.: Азбуковник, 1999. — с. 819.
10. Почепцов Г. Г. Информационные войны, 2000. — С. 9
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография/ Урал. гос. пед. ун-т — Екатеринбург, 2003. — 248 с.
13. Шаклеин В. М. Метафора как лингвокультурологическое средство восприятия и передачи информации // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. — СПб.: Политехника, 2003. — с. 79-85.
14. Domassio A. R. Descartes' Error: Emotion, reason, and the human Brain. — N. T.: G. P. Putman's Sons, 1994. — P. 41-43.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2004 г.

УДК 82-84/82-92

Ю. А. Мельник

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ВОСХОДЯЩИХ К ТЕКСТАМ ПЕСЕН, В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Предметом нашего исследования являются прецедентные высказывания (ПВ) песенного происхождения и специфика их функционирования в современном публицистическом дискурсе. Под **прецедентным высказыванием** вслед за Д. Б. Гудковым мы понимаем “репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, в когнитивную базу входит само ПВ как таковое, ПВ неоднократно воспроизводятся в речи носителей языка”. К числу ПВ принадлежат цитаты, а именно: “1) собственно цитата в традиционном понимании (как фрагмент текста); 2) название произведения; 3) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями” [5, с. 55] (см. также [6, с. 107]). На наш взгляд, данная работа обладает высокой практической значимостью, поскольку тексты публицистических изданий активно используются в процессе преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Работа с этими текстами в настоящее время усложнилась. Причина этого — чрезвычайная